

> МАГИСТРАЛЪ >

ОСАМУ ДАДЗАЙ

Исповедь неполноценного
человека

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Д14

津島修治
人間失格

Перевод с японского *Люсине Манукян,*
Евгении Андриенко, Полины Максимовой,
Любови Курганской

Литературный редактор *Варвара Мартынова*

Корректор *Екатерина Михайленко*

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Дадзай, Осаму.

Д14

Исповедь неполноценного человека / Оса-
му Дадзай ; [перевод с японского Л. Манукян
и др.]. — Москва : Эксмо, 2025. — 160 с.

ISBN 978-5-04-225845-9

Осаму Дадзай — один из самых ярких и трагических писателей японской литературы XX века. Его произведения отмечены автобиографичностью, безжалостной честностью и тонкой психологической наблюдательностью. Дадзай стал голосом поколения, пережившего войну, разочарование и внутренний кризис, а его книги до сих пор находят отклик у читателей по всему миру.

«Исповедь неполноценного человека» — самая известная его повесть, в которой исповедальная интонация достигает предельной силы. Герой книги, Ёдзо, не в силах найти место в обществе: он скрывает под маской шутовства свою глубокую отстраненность и мучительное чувство чуждости. Отчуждение, неумение любить и быть понятым, попытки заглушить внутреннюю пустоту алкоголем и страстями — все это ведет к его нравственному и физическому падению.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Пуру, перевод на русский язык,
2025

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-225845-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то я уже видел три снимка этого человека.

Первый — можно сказать, времен его детства, на нем мальчику около 10 лет. Он, окруженный многочисленными женщинами (предполагается, что это были его родные и двоюродные сестры), стоит в саду вблизи пруда, одетый в хакама¹ в крупную полоску. Голова его слегка наклонена влево, а на лице застыла уродливая улыбка. «Уродливая»? Хотя нечуткие люди (то есть те, кому безразличны красота и уродство) с равнодушным видом неубедительно льстили ему, используя избитое: «Какой миленький мальчик!», эта лесть все же не была такой пустой. Нельзя сказать, что его улыбка была полностью лишена того, что принято называть

¹ Х а к а м а — японские мужские длинные широкие штаны в складку.

«милым». Тем не менее люди, хоть немного разбирающиеся в красоте, едва взглянув на него, с глубоким отвращением пробормочут: «Какой противный ребенок!» — и сметут это фото со стола, словно гусеницу.

И правда, чем дольше вглядываешься в лицо этого улыбающегося мальчика, тем больше чувствуется в нем нечто странное и неприятное, как будто пугающее. Да ведь это и не улыбка. Кто вообще улыбается, крепко сжимая кулаки? Обезьяна. Это гримаса мартышки, а «усмешка» — сеть безобразных морщин на лице. На этом снимке у него было очень странное, чем-то даже мерзкое и тошнотворное выражение лица, из-за которого хотелось обзвать его «морщинистым старикашкой». Ребенка с такой странной мимикой я раньше никогда не видел.

На второй фотографии его лицо тоже до удивления искажено. Не поймешь точно, каких времен это фото: старшей школы или университетских годов, но здесь юноша выглядит довольно симпатичным. Однако, как ни странно, снова кажется неживым. Одетый в форму ученика с выглядывающим из нагрудного кармана белым носовым платком, он сидит на плетеном стуле нога на

ногу и, как прежде, смеется. Но на этот раз его улыбка очаровательна и совсем не похожа на обезьянью гримасу. И все же чем-то она отличается от человеческой. Юноша как будто весь какой-то незаконченный: совсем не видно, что в нем кипит молодая кровь или что он ощущает какой-либо вкус к жизни. Легкость даже не птички, а лишь тонкого, как перышко, листа бумаги сквозит в улыбке юноши. Иными словами, от макушки до кончиков пальцев он кажется искусственным. Назвать этого человека жеманным или неискренним в равной степени будет недостаточно. «Обольстительным» или «щеголеватым» он тоже не был. Если присмотреться получше, то в его привлекательности проступит что-то жуткое от монстров из кайданов¹. Я раньше никогда не видел юноши со столь странной, необъяснимой красотой.

Последняя фотография самая удивительная. Здесь уже действительно непонятно, сколько ему лет. Местами в волосах у мужчины виднеется седина. В углу очень грязной комнаты (на фотографии отчетливо видно, как три стены в ней заваливаются

¹ К а й д а н ы — фольклорный жанр в Японии, призванный испугать слушателя.

ся) он обеими руками накрывает хибати¹, но в этот раз на его лице нет улыбки. У него вообще нет эмоций. Словом, этот снимок по-настоящему смердит, будто мужчина и впрямь умер, держа руки над хибати. Но удивительно здесь не только это. Лицо изображено довольно крупно, поэтому я смог внимательно изучить его черты: среднего размера лоб, обыкновенные морщины, ничем не примечательные брови и глаза; нос, губы и подбородок также ничем не выделялись. Ах, точно! Лицо его не просто лишено эмоций, оно даже не оставляет после себя какого-либо впечатления. Никаких отличительных черт. К примеру, если посмотреть на снимок и закрыть глаза, лицо мужчины тут же забудется. Я смогу вспомнить стены комнаты или маленькую хибати, но вот образ хозяина комнаты рассеется так легко, словно дым, и мне уже ни за что не вспомнить, как выглядит его лицо. В моем воображении оно не отпечатывается даже в виде портрета или карикатуры. В итоге, открыв глаза, я буду недоволен тем, что так и не смог правильно воссоздать его черты. И да-

¹ Х и б а т и — японская переносная жаровня для обогрева.

же если я еще раз взгляну на фотографию, то все равно не смогу мысленно воспроизвести его облик. После этого мне станет неприятно, и я раздраженно отведу взгляд.

То ли печать смерти, то ли нечто иное стерли всякое выражение с его лица и производимое им впечатление. Во всяком случае, было в этом человеке что-то такое, что заставляло вздрагивать и с отвращением морщиться каждого, кто смотрел на снимок (прикрепи к телу мужчины голову выючной лошади, эффект будет тот же). Столь непонятное мужское лицо я не видел никогда в своей жизни.

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

Я прожил жизнь, не зная ничего, кроме позора.

Я не имею ни малейшего представления о том, что значит быть человеком. Родившись в деревне на северо-востоке Японии, я впервые увидел поезд, только когда уже был достаточно взрослым. Переход по железнодорожным эстакадам стал для меня делом привычным, но мне и в голову не приходило, что их возводят ради удобства и безопасности. Долгое время я искренне верил: они созданы для того, чтобы сделать станцию сложнее, интереснее и элегантнее, как в каком-то заграничном парке развлечений. Подъем и спуск по эстакаде казались мне утонченным ритуалом, игрой, полной скрытого очарования. Для меня это была одна из самых приятных услуг, которую оказывала железная дорога, но позже я обнаружил, что

это всего лишь сугубо практичная лестница для пересечения путей. И в тот же миг исчезла вся ее таинственность, а вместе с ней угас и мой интерес.

Кроме того, в детстве, видя в книжках иллюстрации с изображением метро, я был уверен, что оно было придумано не из практических соображений, а просто потому, что ездить под землей казалось необычнее и увлекательнее, чем на поверхности.

Будучи болезненным ребенком, я с малых лет часто лежал в постели и разглядывал простыни, наволочки, пододеяльники, принимая их за скучные украшения, лишённые всякого смысла. Лишь ближе к 20 годам я понял, что у этих вещей есть практическое назначение. Это осознание внезапно навяло на меня чувство тоски и печали, словно в нем скрывалась вся горькая правда о ничтожности и бренности человеческой жизни.

Более того, я не знал, что такое чувство голода. Не в том смысле, что вырос в достатке, в доме, где не было проблем с едой, вообще нет. Просто само это ощущение было мне непонятно. Как бы странно это ни звучало, но я не осознавал, что хочу есть, даже если желудок пустовал. Когда я возвращался из школы, начальной или позже средней, род-

ные встречали меня словами: «Наверняка проголодался, да? Помним-помним, как сильно хочется есть после школы. Сладкие бобы будешь? Есть еще бисквит и хлеб». Слыша это, я, стремясь угодить окружающим, поддакивал: «Да, есть хочется» — и нехотя бросал в рот десяток сладких бобов. Говорил-то, что голоден, но совершенно не понимал, что значит испытывать голод по-настоящему.

Конечно, я ем немало, но не припоминаю, чтобы мной двигало чувство голода. Я ел то, что казалось редким или выглядело роскошно. В гостях я тоже пробовал все предложенные угощения, даже если приходилось себя пересиливать. Но в детстве трапезы в кругу семьи были для меня самой мучительной частью дня.

В нашем доме, в деревне, семья из десяти человек собиралась поесть в специальном зале, где все садились друг напротив друга за отдельные низкие столики, которые стояли в два ряда. Я, как самый младший, занимал место в самом конце. Во время обеда тускло освещенная комната казалась мне особенно мрачной. Каждый раз, наблюдая за членами семьи, которые молча сосредоточенно поглощали пищу, я чувствовал, как кровь сты-

нет у меня в жилах. К тому же наша семья придерживалась старых традиций, поэтому еда была скромной и почти однообразной. О чем-то необычном или изысканном не приходилось даже мечтать. С каждым днем мысли о предстоящей трапезе вызывали во мне все большее отвращение и страх. Сидя в самом углу этой тускло освещенной комнаты и дрожа от холода, я медленно подносил ко рту небольшие порции риса и погружался в свои мысли. Почему люди едят трижды в день? Почему в этот момент их лица становятся серьезными, сосредоточенными? Может быть, эта непреложная трапеза в полумраке — не просто повседневная нужда, а нечто большее, своего рода священный обряд? Обряд, при котором все члены семьи собираются в одном и том же месте, в одно и то же время и молча пережевывают пищу, склонив головы. А может, даже и возносят молитву невидимым духам, что обитают в этих стенах.

Фразу «Если не будешь есть, то умрешь» я слышал так, словно меня неприятным образом пытались запугать. Это суеверие (я до сих пор могу воспринимать его только так) породило внутри меня постоянный страх и тревогу. Из всего, что я когда-либо слы-

шал, ничего не казалось мне таким сложным, загадочным и даже угрожающим, как это утверждение: «Нужно работать, чтобы заработать на еду, ведь если не будешь есть, то умрешь».

Выходит, я не понимаю, как устроена человеческая жизнь. Мое представление о счастье не совпадает с тем, как это представляют другие люди, и это несоответствие внушало мне беспокойство, которое, бывало, не давало мне спать по ночам, сводя с ума. Интересно, был ли я вообще когда-то счастлив? С самого детства мне часто говорили, что я счастливчик, однако чувствовал я себя, как узник ада. Люди, которые твердили, что мне повезло, напротив, казались гораздо более спокойными и безмятежными, чем я сам.

Порой мне казалось, что, если бы хотя бы одно из моих несчастий пришлось на долю другого, оно бы полностью его сломило.

Я просто не понимаю. Я не могу представить себе ни природу, ни глубину страданий окружающих. Возможно, именно те муки, которые можно преодолеть, если просто поесть, — самые невыносимые и настолько ужасающие, что мои собственные несчастья померкли бы перед ними. Мне непонятно

вот что: если это так, то почему тогда люди не сходят с ума, не совершают самоубийства? Почему они продолжают спорить о политике, бороться за свое существование, не теряют надежду и не ломаются? Может быть, им не так уж тяжело? А может, они просто эгоисты, которые ни разу не усомнились в себе и воспринимают свое существование как должное? Если так, то, наверное, им легко. Но что, если все люди такие и в этом нет ничего особенного? Не понимаю... Они все спят по ночам спокойно, а утром тогда просыпаются бодрыми? Какие сны им снятся? О чем они думают, когда идут по улице? О деньгах? Вряд ли — неужели только об этом? Фразу, что люди живут, чтобы есть, я слышал, но вот чтобы они жили ради денег — еще нет. Хотя... а вдруг? Нет, этого я тоже не могу знать наверняка. Чем больше я думаю об этом, тем сильнее запутываюсь. Мне кажется, я совершенно не такой, как все, и это пугает меня. У меня не получается разговаривать с окружающими. Я не понимаю, что им сказать и как себя вести.

И вот так я нашел для себя выход — стать шутом.

Я предпринял последнюю попытку сблизиться с людьми. Для меня они всегда